

Тёмный лорд по имени Клементина

Сара Джин
Горвиц

Оберегай своё сердце,
Оно сильно, но уязвимо!

Фэнтези для подростков

Сара Джин Горвиц

**Тёмный лорд по
имени Клементина**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

Горвиц С.

Тёмный лорд по имени Клементина / С. Горвиц — «Эксмо»,
2019 — (Фэнтези для подростков)

ISBN 978-5-04-175763-2

Клементина всю жизнь провела в поместье отца, где из обитателей – огнедышащие куры, адские коровы, ожившие пугала да кобылки-страшилки. Она единственная наследница тёмного лорда Элитора, правителя долины Семи Сестёр. В обязанности тёмного лорда входит наводить ужас на деревенских жителей. Но на него наслали проклятие, и он начинает тлеть на глазах. Как Клементине спасти отца и сохранить поместье, если она к тому же с трудом владеет магией?..

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-175763-2

© Горвиц С., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Не. Откалывает	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сара Джин Горвиц

Тёмный лорд по имени Клементина

Sarah Jean Horwitz

THE DARK LORD CLEMENTINE

© 2019 by Sarah Jean Horwitz

© Погосян Е. В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Не. Откалывает

Однажды утром Клементина Заколдун обнаружила, что у её папы пропал нос.

Не то чтобы это оказалось полной неожиданностью. Ещё несколько дней назад, когда тёмный лорд Элитор Заколдун здоровался с нею утром, его нос выглядел меньше обычного – как и подбородок. Правда, разница была такая небольшая, что Клементина, сама ещё не очень большая девочка, едва это заметила. Она просто обратила внимание на то, что папа как-то изменился – всё-таки он ведь был её папой, – но подумала, что это, наверное, из-за неудачной причёски.

Однако неудачная причёска вряд ли могла объяснить то, что происходило в последующие дни: нос у тёмного лорда Элитора делался всё тоньше и тоньше, а подбородок всё короче и короче. Причёской не объяснялось и то, что его кожа стала походить на грубую поверхность расколотого полена, а пальцы сперва заострились, как ветки, а потом тоже стали укорачиваться. Казалось, будто нечто ежедневно отгрызало от него понемногу – *откалывало*, услужливо подсказала Клементине память. Сам же тёмный лорд вёл себя как ни в чём не бывало и словно не заметил, что за обедом у него отвалился кончик пальца, пока он ел гороховый суп.

Кусочек был таким невесомым, что упал в тарелку с еле слышным *плюх*. Впрочем, суп они всё равно съели.

Клементина Заколдун точно знала: если тёмный лорд Элитор в чём-то и хорош, то это в трёх вещах:

1. *Изобретении и применении колдовских Мерзких Штучек.*
2. *Математике.*
3. *Умении Молчать Обо Всём.*

Но в день, когда за завтраком она внезапно оказалась в компании отца, выглядевшего без носа довольно страшновато... в общем, Клементина решила, что наступил день, когда придётся *Поговорить Кое о Чём*.

– Отец, – начала Клементина, наблюдая за тем, как он пытается наколоть кусочек дыни на свой острый одеревеневший палец, – я совершенно уверена, что тебя прокляли.

Дынный кубик свалился с пальца, так и не коснувшись едва заметных тонких губ.

– А, – ответил отец, недоумённо подняв густые брови, – неужели?

И он снова уткнулся в тарелку, как будто речь шла о погоде, и нанизал на палец кубик дыни. Не так-то просто было поднять его, не уронив.

– Но ведь это же очевидно, – Клементина не хотела сдаваться. – *Что-то*... оно... откалывает от тебя куски!

Клементина пожалела о том, что использовала слово «откалывает», едва оно слетело с её губ. Однако последствия того, что *Наконец Что-то Сказано*, никогда не меняются: слово вылетело, и его не поймаешь.

Единственным звуком, раздававшимся в столовой, было тяжёлое дыхание тёмного лорда: воздух с тонким присвистом проходил через две узкие щёлки на его лице, когда-то бывшие ноздрями. Брови угрожающе сдвинулись, как будто вот-вот готовы были наехать друг на друга. Он снова уткнулся в тарелку, и от его взгляда дыня даже слегка позеленела.

– Нет... – наконец еле слышно промолвил он. – Не. Откалывает, – он в такой ярости выплёвывал каждое слово, словно оно было само по себе проклятием, и наконец поднял взгляд на Клементину. – Обстругивает.

Глава 1

Том от М до Я, или Преступные деяния ведуний: история вопроса

Клементина больше не поднимала эту тему за завтраком, хотя бы потому, что не имела представления о значении слова «обстругивает». Однако ей хватило ума ничего не спрашивать. После того как тёмный лорд затворился у себя в мастерской на верху самой высокой башни замка Провал, где он укрывался в последние дни всё чаще, а Клементина разобралась с обычными утренними делами, тайком проникла в подземелье, где находилась библиотека тёмного лорда, и попыталась рассмотреть все возможные варианты, а их было немало.

Вариантов было много потому, что замок был полон книг. От пола до потолка возвышались полки, набитые книгами о чём угодно: здесь были сборники заклинаний и поваренные книги, энциклопедии и сказки, энциклопедии *сказок*, справочники по ботанике, химии, мореплаванию, уходу за садом, астрологии, а также книги о *других* книгах. Имелись даже тоненькие сборники стихов, которые её отец иногда брал с полки и тут же возвращал на место с презрительной гримасой – наверное, чтобы освежить мрачные мысли о тщете всего сущего. Клементина очень уважала его приверженность своему делу.

Библиотека уходила глубоко в толщу гор вокруг замка Провал, и Клементина едва могла разглядеть её дальний конец в тусклом мерцании зачарованных светильников из лунного камня на высоком потолке. Они услужливо разгорались в полную силу, когда кто-то открывал книгу, которую хотел прочесть. Но большую часть времени отец содержал библиотеку в таком виде, какой его устраивал: тёмном, аккуратном и (что было важнее всего) мертвенно *тихом*. К смущению Клементины, лунные светильники почему-то предпочитали игриво перемигиваться, стоило ей оказаться под ними, создавая для юной хозяйки неприлично праздничную дорожку. Каждый раз ей приходилось строго отчитывать лунные камни за столь непочтительное отношение к наложенным на них чарам, но сегодня ей было не до воспитательных мер. Хотя день ещё только начался, утреннее объяснение с отцом далось так тяжело, что энергии на выговоры попросту не оставалось. Оказалось, на то, чтобы Наконец Что-то Сказать, уходит очень много сил. Теперь она лучше понимала, почему папа так старательно этого избегал.

Клементина поднялась по лестнице к одной из полок, невольно поморщившись от пронзительного скрипа расшатанной ступеньки. Лохматая голова химеры, украшавшая соседнюю стену, тут же уставилась на неё с осуждением. В ответ Клементина погрозила пальцем.

Она решила начать с самого простого, что, по её убеждению, вообще было отличным способом братья за новое. Кряхтя от натуги, она вытащила с полки переплетённый в кожу том словаря со словами от М до Я. Он был таким громоздким, что девочка с трудом удерживала его двумя руками. Она больше не могла держаться за лестницу, балансируя на самой верхней ступеньке, а за годы хранения на полке книга сильно запылилась...

– *Ааааааа!!!* – Клементина чихнула.

Да, вот так: взяла и чихнула. Прямо в *библиотеке*. Следующая секунда словно растянулась, потому что девочка успела заметить много разного: что этот чих вполне мог считаться самым громким чихом за всю историю человечества и что отныне она обречена (и крайне изумлена самой собой), а ещё что она наверняка рухнет с лестницы, если не отпустит словарь, что она и сделала. Не успела она схватиться за лестницу, как книга полетела на пол по весьма причудливой траектории, попутно ударяясь о нижние полки.

Том с буквами от М до Я грохнулся на пол с таким БУМ, что весь замок вздрогнул до основания.

Клементина застыла ни жива ни мертва, страдальчески морщась в попытке удержаться от нового ужасного чиха. Однако через несколько жутких секунд девочка обнаружила, что по-прежнему одна в библиотеке, а осуждают её только разъярённые взоры диких тварей, головы которых украшали каменные стены. Химеры явно разозлились не на шутку.

Пожалуй, даже к лучшему, что тёмный лорд Элитор заперся в своей мастерской на вершине башни. Уж ему-то такой шум наверняка пришёлся бы *очень* не по нраву.

Клементина тихонько сползла с лестницы и подняла словарь. Она обтёрла переплёт от пыли носовым платком и устроилась на самом удобном на вид троне из множества резных сидений с прямой спинкой, разбросанных по библиотеке. Как и головы химер на стенах, это были трофеи – троны королей и королев, поверженных тёмными лордами Заколдун прошлых поколений. Клементине больше всего нравился тот, у которого сиденье было обтянуто потёртым розовым бархатом, совсем *чуть-чуть* попорченным пятном крови в самом уголке. Девочка открыла страницу на букве С и прочла:

Стружка | *существительное*

- тонкий узкий слой дерева

Нет, это вряд ли то, что нужно. А вот в следующей строке:

Строгать | *глагол*

- придавать форму деревянному объекту, отрезая или откалывая небольшие куски.
- удалять, отделять части или разрушать предмет кусок за куском.

Похоже, «откалывать» тоже было недалеко от истины. Клементине приходилось сталкиваться с последствиями папиных ошибок в непроверенных заклинаниях, однако она никогда не сомневалась в его способности (и здравом чувстве самосохранения) не рисковать, подвергая себя воздействию волшебства, в буквальном смысле уничтожавшего его тело по кусочкам. Нет уж! Значит, Клементина не ошиблась насчёт откалывания, и практически не сомневалась в том, что на папу наложили проклятие. Но кто?

Не имея на этот счёт никаких догадок, Клементина предпочла бы проверить ещё кое-что в другом словаре. Скорее даже в энциклопедии, вот только девочка сомневалась, что поколения тёмных лордов Заколдун снизошли бы до того, чтобы хранить в библиотеке такие бесполезные книги, в которых слова – это просто слова. Клементина со всей осторожностью вернула на место словарь, на сей раз удачно избежав скрипучей ступеньки, и отправилась искать в каталоге указания на новый источник информации: Колдоварь.

Этот Колдоварь был наверняка самым древним томом в библиотеке. Он создавался трудами представителей рода Заколдун: многочисленные тёмные лорды старательно вносили в него записи, имевшие отношение к самым давним и непримиримым врагам: ведуньям, или ведьмам. От невероятно редких, но тем более опасных Белых Ведьм до бестолковых попрыгушек, прятавшихся в живых изгородях буквально в каждом селе. Веками тёмные лорды враждовали с ведьмами – пожалуй, с того самого момента, как в мире появились ведьмы и тёмные лорды. Папа Клементины на дух не выносил ведьм – и в особенности попрыгушек. О, крестьяне сколько угодно могли именовать их «ведуньями» или «целительницами», или менее уважительно (но не менее загадочно) «хитрым народцем», но, со слов тёмного лорда, в этих тварях не было ничего мудрого или хитрого.

Среди них были даже такие нахалки, у которых волшебства не имелось и в помине, зато они жили припеваючи, продавая невежественным крестьянам «любовные зелья» или «защитные амулеты», ничем не отличавшиеся от обычного травяного чая или гальки. А ещё эти обманщицы всячески подрывали власть тёмного лорда, начиная с запрещённой им тайной торговли волшебными предметами и кончая наглыми попытками *вмешаться*, когда он решал, что пора лишний раз нагнать страху на местное население – как будто издевательство над крестья-

нами не являлось его законным правом, которым он волен был пользоваться по собственному усмотрению! Клементина даже сердито покачала головой при мысли о такой дерзости.

Конечно, у тёмного лорда имелось множество врагов, – а иначе какой же он тёмный лорд? – однако немногие из них опустили бы до такого трусливого способа, до *обстругивания* его тела. И к тому же на данный момент у лорда Элитора попросту не было достаточно серьёзного соперника из числа других лордов – в этом Клементина была вполне уверена. Когда она была маленькая, папа провёл обряд с корнем мандрагоры и сокрушил тёмного лорда, правившего по другую сторону гор и считавшегося самым сильным волшебником в мире. Девочке эта история была известна в подробностях, потому что она сама провела шесть лет под сонным проклятием, наложенным в отместку тем самым лордом. Тогда её папа, вынужденный снять заклятие мандрагоры, весьма сурово объяснил дочери, когда та проснулась, как опасно хвататься за острые предметы неизвестного происхождения – какими бы сверкающими они ни были.

Нет-нет, приличный тёмный лорд непременно бы нанёс удар по Клементине – ведь она как-никак была единственной наследницей лорда Элитора, – или отправил банду разбойников грабить на торговых путях Заколдуна, или, если обладал достаточной властью, собрал бы армию из людей и злобных чудовищ, чтобы они перешли горы и вторглись во владения лорда Элитора, разоряя всё на своём пути. И главное: такой враг обязательно бы отправил письмо с вызовом. Что-то вроде *«Руки прочь от моего добра!»* или *«Считай, что твой замок уже стал моим, визгливая свинья!»* или *«Ради всего злого, Элитор, заканчивай торговую войну, это вредит бизнесу!»*

Насколько Клементина могла судить, после происшествия с мандрагорой папа старался держаться подальше от попыток выполнить норму Мерзких Штучек в таких грандиозных масштабах, сосредоточившись на жестокостях местного уровня. А такое проклятие... такое проклятие явно было чем-то другим. Вот уже какое-то время оно медленно, но верно пожирало её отца, и до сих пор ни один из тёмных лордов не признался в этом злодеянии. Армия тоже до сих пор не вторглась в долину Семи Сестёр, чтобы насадить на пику голову Клементины. Кто бы это ни был, он предпочитал таиться в тени и просто... ждать.

Ни один крестьянин из деревни в долине не владел волшебством, а если бы и владел, не дожил бы до того, чтобы попытаться его использовать – только не под бдительным оком лорда Элитора. И хотя бродячие торговцы и караванщики, у которых папа что-то покупал, тайком плевались и бормотали защитные наговоры, когда думали, что он не видит, они также не захотели бы лишиться своей выгоды. Нет, ответ был простым и понятным: такое проклятие могла наложить только ведьма, причём очень сильная.

В конце концов, оба слова, «колоть» и «колдовать», недаром начинаются на букву К.

Клементина ещё полистала Колдоварь, наскоро пробежав главы о ведьмах с зелёной чешуёй; ведьмах, превращающихся в кошек и крыс; ведьмах, *повелевающих* кошками и крысами; ведьмах, летающих на помеле или чумном поветрии; и также о ведьмах, поедающих детей и прикидывающихся прекрасными девами, чтобы соблазнять беспечных рыцарей, обрекая их на ужасную судьбу. Всё это было слишком примитивно, а уж каннибализм и вовсе говорил о плохом вкусе – они даже не пользовались котлом (тёмные лорды *терпеть не могут* ведьмины котлы). И лишь в самом конце, на последней странице, что-то было написано папиной рукой на полях против этих строк:

СТРУЖЕЧНАЯ ВЕДЬМА.

ИСТИННОЕ ИМЯ: неизвестно.

ИЗВЕСТНА КАК: Стружечная ведьма,

Лесная ведьма.

Язвительная приписка – «как оригинально» – относилась ко второму имени: И Клементина была с этим согласна.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: неизвестно.

СПОСОБНОСТИ К ПРЕВРАЩЕНИЯМ:

неизвестно (вечная юность?)

ОСНОВНЫЕ НАВЫКИ: симулякры, арбомансия.

ПОСЛЕДНЕЕ МЕСТОПРЕБЫВАНИЕ:

неизвестно.

РЕКОМЕНДАЦИИ: быть начеку.

Клементина долго смотрела на последнюю строчку, гадая, как это папа умудрился перейти дорогу такому неуловимому врагу. Она знала, что арбомансия – это искусство управлять ростом деревьев. Вполне ожидаемое умение для той, кто зовётся Лесной ведьмой. А вот «симулякры» потребовали нового изучения тома от М до Я. И все эти «неизвестно» так и бросались в глаза на каждой строчке, вызывая тревогу.

Кто эта Стружечная ведьма? Зачем ей обстругивать лорда Элитора? Как именно работает это проклятие? И как долго папа собирается делать вид, будто ничего страшного не происходит?

* * *

В этот день тёмный лорд Элитор не вызвал Клементину на очередной урок волшебства и даже не спустился из башни пообедать.

* * *

И поужинать.

* * *

симулякр | *существительное*

- подобие или подделка кого-то или чего-то;
- грубая копия или имитация.

* * *

Глава 2

Тишина на ферме, или Неожиданные недостатки молчаливых слуг

Поначалу перемены на ферме не бросались в глаза.

Но однажды Клементина навестила в стойле свою любимую кобылку-страшилку: совсем ещё жеребёнка, нескольких недель от роду, одна кожа да кости. Она скорее внушала жалость, чем страх, и пока никого не могла напугать. Девочка почесала кобылку между подрагивающими ушками (но недолго, ведь страшилкам вредно *слишком* хорошее обращение), прежде чем заняться остальными лошадами. Она старательно чистила шелковистые шкуры, обтягивавшие костлявые тела, пока они не заблестели как полированный эбонит. Девочка едва наполовину успела справиться с работой, когда от страха у неё задрожали руки – верный признак того, что страшиллки пребывают в хорошей форме.

Однако внезапная тишина, воцарившаяся в конюшне, заставила Клементину замереть на месте. Это было ощущение... скорее нехватки, чем присутствия чего-то. Обычно в конюшне и так было тихо. В поместье лорда Элитора вообще всегда было тихо.

Однажды, пару лет назад, Клементина убежала от папы во время одной из его редких вылазок в деревню. Она совершенно самостоятельно дошла до окраины, где улица с домами и магазинами уходила прямо в поля. На заднем дворе одного из домов сидела на табуретке молодая мать с двухгодовалым малышом на руках. Клементина наблюдала за ними, спрятавшись за деревом на краю лужайки, слишком стесняясь (даже тогда слишком хорошо понимая, что думают о ней местные жители), чтобы подойти открыто.

Парочка развлекалась играми. Женщина показывала на овцу, щипавшую травку, и поворачивалась к ребёнку с чем-то вроде:

– Смотри, это овечка! Милый, ты ведь знаешь, как блеет овечка? – она с улыбкой наклонилась к малышу. – Овечка говорит *меее*!

Ребёнок радостно гулил в ответ, пытаясь повторить за матерью эти звуки. А та уже показывала на поросёнка возле корыта или на кур, усердно искавших во дворе что-нибудь на ужин.

– Как поросёнок хрюкает?

– *Хлю!* – верещал малыш, с восторгом хлопая в ладошки.

– А куры? Куры квохчут *ко-ко-ко*? – И она так зашекотала сына, что тот зашёлся радостным смехом.

Наконец женщина устала играть и увела ребёнка в дом. Клементина стояла, укрывшись в тени. Ей было слышно, как женщина напевает какую-то простенькую песенку, не особо стараясь попадать в ноты. Осуждающе качая головой, девочка поспешила обратно в деревню: хоть бы отец её не хватился!

Всё это было пустой тратой времени. Сам способ обучения был крайне сомнительным – как ребёнок успеет что-то усвоить, если он то хохочет, то визжит? – кроме того, все эти звуки были просто *смешными*. Уж кто-кто, а Клементина знала, что ни одно нормальное животное не станет поднимать такой шум. Вот у её папы каждое животное знает своё место. Им и в голову не придёт кудахтать, или мычать, или блеять, или издавать ещё какие-то неприличные звуки.

Все животные в поместье лорда Элитора были исключительно молчаливыми.

Это не значило, что звуки отсутствовали полностью. Чтобы заглушить стук копыт, шелест конского хвоста или скрип двери стойла, потребовалось бы слишком много волшебных сил, даже если этого желал сам лорд Элитор. И вдобавок тут речь шла о безопасности: в тишине легче расслышать, что приближается враг. Но поскольку хозяином был лорд Элитор Заколдун, которому нравилась *тишина*, все и вели себя тихо. Кобылки-страшиллки не смели ржать.

Мандрагоры не смели кричать (хотя это даже к лучшему, ведь их крики смертельно опасны). Здесь нельзя было услышать музыку или пение, и редко, чрезвычайно редко слышался смех, лишь когда отец Клементины упражнялся в маниакальном хохоте (тёмный лорд должен быть всегда готов ошеломить врага взрывом маниакального хохота).

Поэтому в тот день, когда в конюшне стало тише обычного, Клементина это заметила. Она отложила скребок и выглянула из стойла: слышно было только, как край её юбки шелестит по сену, а кобылка переступает с ноги на ногу. Чёрный барашек, дремавший напротив соседнего стойла, сонно глянул на неё, замигал и поднялся, собираясь пойти следом. Девочка прошла до конца конюшни в надежде застать одного из конюхов за уборкой сена – по крайней мере, он убирал сено, когда девочка вошла.

Однако конюх, являвшийся зачарованным пугалом, прекратил своё занятие. Он вообще прекратил работу. Зачарованное пугало – одно из многих, выполнявших почти всю трудную работу на ферме, – замерло на середине броска, едва удерживая в ослабевших руках вилы. Наконец рукоятка вил выскользнула из его костлявых пальцев, и вилы упали на сено с мягким *бух*. От неожиданного звука барашек шарахнулся прочь: наверняка он бы заблеял от испуга, если бы мог.

Клементина изумлённо смотрела на пугало. Ещё ни разу за все годы, что девочка присматривала за работой зачарованных пугал, не было случая, чтобы одно из них не доделало работу. По правде сказать, иногда они трудились даже *слишком* усердно. Им требовались абсолютно точные приказы, в особенности когда нужно начать и закончить работу, иначе они могли бы целый день перекаладывать одну и ту же копну сена или косить траву во дворе замка до тех пор, пока не останется лишь голая земля.

Как и многие предметы на ферме, пугала были зачарованы папиным волшебством – сложным сочетанием обрядов, заклинаний и амулетов, делавших поместье безопасным, богатым на урожаи и, что самое важное – существовавшим в полном соответствии с правилами и желаниями тёмного лорда. Неживые работники никогда не опаздывали, не требовали отпуск или деньги на лечение зубов и даже не уставали. В поместье у тёмного лорда почти не было живых слуг, за исключением кухарки и гувернанток для Клементины – череды бестолковых училок, десятилетиями сменявших друг друга, – с того самого дня, когда папа унаследовал титул. Зачем беспокоиться из-за живых слуг, если есть более простой и надёжный вариант?

Но Клементина никогда не заставляла кухарку Этель или кого-то из гувернанток вот так застывшими на полувзмахе, совершенно неподвижных. Пожалуй, в таком виде это пугало могло оказаться на своём месте где-нибудь посреди пшеничного поля – но тогда какая от него польза для Заколдунов?

Клементина с усилием заставила себя не выдать испуг и сохранить невозмутимое выражение лица – не хватало ещё показать слабость перед страшилками или этим настырным барашком, – поэтому наклонилась и подняла вилы. Она подала вилы пугалу, напряжённо глядя в его чёрные глаза-пуговицы, и многозначительно прокашлялась:

– Кхм!

Пугало упорно не желало двигаться. Слышно было, как у неё за спиной шебуршит в сене барашек. Клементина сердито оглянулась на него.

Набрав полную грудь воздуха, девочка постаралась придать себе внушительный вид, выпрямилась во все свои четыре фута и как можно более надменно посмотрела на пугало.

– У тебя что, работы нет? – грозно осведомилась она, впихнув вилы в руки пугала.

Пугало покачнулось от толчка, но, к облегчению Клементины, схватило вилы и широко замахнулось, чуть не проткнув хозяйку. А потом как ни в чём не бывало принялось перекидывать сено.

Клементина довольно выпрямилась, уперев руки в бока. Не иначе у пугала случился небольшой сбой, и она очень удачно оказалась здесь в этот момент, чтобы всё исправить.

Вообще-то её не очень удивило, что дела на ферме могли немного... пойти не так... пока папа не избавился от проклятия Стружечной ведьмы.

А ей тем временем просто придётся быть начеку и поглядывать, чтобы всё шло как надо.

* * *

На следующее утро Клементина с удивлением обнаружила, что у неё посинели волосы. Вот уже несколько дней подряд они оставались тусклого мышинного цвета – наверняка в немалой степени из-за переживаний, – и она уже слегка забеспокоилась, что такими они и останутся насовсем. Особенность её волос постоянно менять цвет несказанно раздражала папу: он всегда старался наколдовать для них солидный чёрный цвет, более подходящий для тёмных лордов. Однако сама Клементина не особенно переживала. К тому же она и так почти всегда ходит в чёрном, так что... *чуть-чуть* цвета никому не повредит!

Клементина позволила себе ещё несколько минут разглаживать щёткой кобальтовые локоны, пока они не стали ниспадать сияющими волнами до самой талии. Обычно Клементина предпочитала заплетать волосы в косу, но папе они нравились вот такими – свободно распущенными. Пусть папа убедится, что она хорошо выглядит, это пойдёт ему на пользу.

И, возможно, цвет волос был знаком, что все эти... неприятности тоже скоро выцветут. Ведь тёмный лорд Элитор не покладая рук трудится над снятием проклятия Стружечной ведьмы и рано или поздно непременно с ним справится.

Шелест крыльев за окном заставил девочку вздрогнуть, отвлекая от завершающей детали туалета – чёрного бархатного ободка для волос. Снаружи в воздухе завис вóрон: хлопающие крылья чуть не задевали стёкла.

– Ты ошибся комнатой, – разборчиво произнесла Клементина, высунула руку и показала наверх и вправо, стараясь держаться подальше от чёрного клюва. Хотя вóрон был ненастоящий, Клементина не забыла папин урок про острые предметы.

Ворон каркнул.

– Тише! – девочка отдернула руку. – Нечего тут возмущаться, – прошептала она. – Папа у себя в мастерской, в башне. Кыш!

Однако вóрон как будто ничего не слышал: уселся на подоконник и заглянул в комнату, без сомнения высматривая подходящий пергамент, чтобы оставить на нём послание. Клементина кинулась к раскрытому тому от М до Я, лежащему на кровати, и спешно захлопнула его. Добравшись до адресата, зачарованные птицы ищут чистый пергамент, чтобы раствориться в нём. Тогда их чёрные перья распадаются на буквы заколдованного письма. Только сильные волшебники могут посылать такие письма – как правило, таким же сильным волшебникам. Это было обычное, но для новичка довольно сложное волшебство: сама Клементина пока не овладела им полностью.

В течение последних недель к лорду Элитору постоянно прилетало множество посланников: воронов, вóрон и чёрных сов. И ещё больше писем отправлялось в ответ. Клементине достаточно было увидеть сверкавшие алым птичьими глазами, чтобы понять, от кого они: от Совета тёмных владык.

Клементина угрожающе замахнулась тяжёлым томом от М до Я и крикнула ворону:

– Тебе не ко мне!

Она ещё никогда в жизни не получала птицу-послание – ей было слишком мало лет (пока), чтобы оказаться в официальной переписке с Советом. Нет, это письмо наверняка предназначалось папе... хотя Клементине вовсе не хотелось гадать почему. Ведь если Совет пронохает о проклятии, наложенном на лорда Элитора... если они сочтут его недостаточно ужасным злодеем...

Клементина снова замахнулась книгой на птицу и прожгла самым злодейским взглядом. Ворон что-то проскрипел и наконец-то развернулся к ней хвостом, так хлопнув мощными чёрными крыльями, что у неё растрепались волосы. Она сердито фыркнула.

Стало быть, это и будет *тот самый* день.

Клементина уже не могла припомнить, когда начала вставать так рано, чтобы успеть накормить кур (и огнедышащих, и обычных), или переставить в теплице горшки с мандрагорой, чтобы они освещались равномерно, или подоить адских коров. Почему-то с каждым днём срочных дел становилось всё больше, помимо привычного умывания или отработки угрожающих поз, как это было прежде.

Она отнесла наверх, в мастерскую, папин завтрак. Потом выбросила из библиотеки старые журналы и составила список самых срочных дел – просто чтобы ничего не забыть. Отметила, когда придёт пора почистить гнёзда гадюк, полить волшебные бобы, а ещё встретить Стэна, первого торговца в этом сезоне, с другой стороны гор.

Это было... не сказать чтобы совсем уж трудно. Но почему-то всё стало хоть немного, но труднее.

Однажды утром Клементина увидела, что изгородь между курятниками огнедышащих и обычных кур сгорела дотла (разве папины огнеупорные чары не должны были её защищать?), и у девочки ушёл целый час на то, чтобы разогнать всполошённых птиц по местам. А когда наконец Клементина, прихрамывая от ожогов, пришла в столовую позавтракать, оказалось, что завтрака-то и нет. Девочка поднялась на кухню. Там её ждал холодный очаг и хамская записка от вечно всем недовольной кухарки Этель, задолжавшей лорду Элитору изрядную сумму. Этель сбежала, не постеснявшись прихватить с собой пригоршню волшебных бобов и деньги на покупки на две недели вперёд. Клементина не удержалась от мысли, что этого и следовало ожидать, если держишь на службе ведьму, – и не важно, что она кровью подписала договор работать на лорда в течение сорока лет.

Клементина кое-как соорудила тост с ореховым маслом – после двух попыток не сжечь хлеб – и съела банан, оставшийся с вечера.

Тут до неё дошло, что она даже не имеет понятия о том, откуда берутся бананы. Их явно не купить в деревне. Придётся спросить у лорда Элитора – а это значит заодно и сообщить о том, что один из пленников сбежал.

Она застала отца в его кабинете замка Провал, заседавшим со Счетоводом. Это был изобретённый лордом механизм: отчасти счёты, отчасти печатная машинка, а отчасти небольшой орган. Безусловно, гениальное изобретение: достаточно поместить в трубы органа несколько образцов продукции с их фермы, добавить фактов и чисел, а также пучок волос и пригоршню зубов или парочку дохлых мышей для заправки – и после нескольких (беззвучных) нажатий на клавиши и ножные педали вы получали на выходе аккуратно напечатанный отчёт на интересовавшую лорда тему.

Лорд Элитор как раз пытался вытащить неуклюжими одеревеневшими пальцами из держателей Счетовода новые бумаги. Клементина помогла ему добыть отчёты и вежливо постаралась не смотреть, как он сердито морщится и бормочет, читая их.

По полу с жужжанием заскользил сверкающий чёрный диск размером с суповую тарелку – папин механический помощник, немного *чересчур* разумное создание, которому лорд Элитор так и не дал имени, хотя Клементина про себя называла его Чёрным Дворецким. (Насколько ей было известно, в замке Провал не принято было держать дворецкого, хотя некоторые из здешних привидений настаивали на том, что помнят, как давным-давно здесь работали слуги.) Чёрный Дворецкий зажужжал перед лордом Элитором, подняв в металлической клешне ещё один отчёт, и положил бумагу на стол. Клешня втянулась обратно в диск с лёгким щелчком.

– Отец, – начала Клементина. Ей ужасно не хотелось прерывать его работу, но, помимо прочего, бегство кухонной ведьмы проделало изрядную брешь в их финансах. – Я уверена, что Этель сбежала.

Клементина заранее отступила на шаг назад, ожидая, что отец так и подскочит на месте и взорвётся яростью при одной мысли о том, что кто-то из его пленных *посмел* сбежать. Эти взрывы были достойным зрелищем. С кончиков пальцев летели пламя и тьма. От громовых раскатов голоса содрогались до основания горы. Он обшарит каждый дюйм долины до самых вершин Семи Сестёр в поисках следов коварной ведьмы, а уж когда он её найдёт... Клементина содрогнулась при одной мысли. Ну и глупая эта женщина!

Однако тёмный лорд не разнёс в пыль кабинет в приступе ярости, не заточил Клементину в темницу за плохие вести и вообще никак не показал, что расстроен. Он просто прочитал отчёт Счетовода, нахмурился и буркнул:

– Ну да, кормить её тоже стоило денег. – И повернулся к дочери спиной.

Если тёмный лорд Элитор и заметил, как резко изменилось качество пищи в замке Провал, то ничего не сказал об этом Клементине.

* * *

Стало прилетать и улетать ещё больше воронов – и днём, и ночью. Клементине пришлось держать окно закрытым, чтобы шум крыльев не мешал ей спать.

Если бы они только не каркали.

* * *

Из всех горных вершин Семи Сестёр Четвёртая была у Клементины самой любимой.

Местные жители видели причину в том, что Четвёртая Сестра была домом для предков рода Заколдун. Замок Провал был возведён как раз на её склоне и гордо надзирал за долиной. Попастъ в него можно было лишь по длинной и узкой извилистой лестнице, вырубленной в скале. Непрístupная твердыня господствовала над горным перевалом: символ могущества дома тёмных лордов Заколдун на протяжении сотен лет. Разве можно было не восхищаться столь выгодной позицией?

Однако у Клементины была другая причина, тайная, – любить Четвёртую Сестру (в той мере, в какой будущий тёмный лорд вообще был способен что-то полюбить): здесь издревле обитала Дама в Белом.

Замок Провал, хотя и был выше окружающих его ферм и деревни в долине, занимал уступ лишь в одной трети пути от подножия и в двух третях от вершины горы. Вряд ли кто-то, кроме горных козлов, рисковал подниматься выше – даже сам тёмный лорд, хотя там имелось немало живописных утёсов, на которых можно было принять весьма эффектную позу, по-хозяйски озирая долину вниз. И уже возле самой вершины можно было разглядеть большой снежник, напоминавший женскую фигуру в чудесном белом платье, смотревшую вниз. Дама в Белом никогда не таяла, даже в самый разгар лета. Она была выше, чем замок у её ног, и находилась на горе столько, сколько помнили местные жители. Они всегда невольно посматривали на её сверкающие контуры, особенно когда тёмные лорды Заколдун были с ними особенно жестоки, и это давало им надежду. Ведь пока за людьми присматривала Дама в Белом, они верили, что тёмное владычество невечно.

Однако не только крестьяне обращали к Даме в Белом взоры, шепча молитвы и пожелания звёздными ночами. В тесном заброшенном дворике под восточной стеной замка, куда

можно было попасть, миновав входы в гадючьи гнёзда и спустившись по узким лестницам с ненадёжными ступенями, был устроен сад. Вообще-то это не было двором. Клементина считала, что это скорее был фундамент для какой-то пристройки к замку, так и не доведённой до конца. Клементине было восемь лет, когда она нашла это место. Тогда девочка отправилась разведать тайные места в замке, где можно было бы укрыться от уроков её очередной (и, как оказалось, последней) гувернантки, надоедливой болтушки с другой стороны гор, даже не верившей в волшебство. (Она быстро избавилась от этого заблуждения – заодно со всеми прочими заблуждениями, когда в буквальном смысле потеряла голову в неудачной стычке с удавчатым плющом.)

Так вот, Клементина честно рассказала папе про найденный ею дворик, однако его это совсем не заинтересовало. Он лишь рассеянно напомнил ей о том, что при исследовании старых частей замка следует опасаться кровавых ловушек, а обнаруженные неизвестные растения приносить ему – вдруг они пригодятся для составления новых ядов.

Девочка действительно нашла там растения, но не такие, в которых нуждался тёмный лорд Элитор. Дворик пестрел цветами. Между камнями пробивались соцветия белых и пурпурных первоцветов, и что самое удивительное, они буквально светились ночью под луной. Понадобилось несколько визитов в библиотеку, после чего Клементина уже знала названия всех растений, пробивавшихся на клочке влажной почвы. Цветы запоминать было намного проще, чем те растения, что разводил для своих опытов её папа, и к тому же цветы были красивыми. После особенно длинного и утомительного дня, проведённого за очень осторожной прополкой болиголовы или подравниванием шипастых кустов, приятнее всего было спуститься в этот тайный садик, чтобы позаботиться о растениях, не представлявших смертельной опасности.

Однако Клементина любила свой садик не только из-за цветов. Он располагался в таком месте на склоне горы, откуда при желании в ясную ночь можно было увидеть отблеск одежд Дамы в Белом. Да, из-за крепостной стены виднелся лишь край развевающегося подола, но и этого было довольно. Девочка привыкла делиться с Дамой в Белом тревогами и вдруг обнаружила, что ей становится от этого легче.

Вот если бы список этих тревог не удлинялся с каждым днём!

– Дорогая Дама, – говорила про себя Клементина, – изгородь в курятнике сгорела дотла, а в библиотеке я не нашла книги, где было бы сказано, как её починить.

– Сегодня ещё одно пугало застыло на месте, как... ну, как пугало. Боюсь, что скоро на них не подействуют никакие слова.

– У нас закончились бананы, а я так и не узнала, где их взять. Я спросила Чёрного Дворецкого, а он только грозно загудел в ответ. По-моему, он не очень меня любит.

– Скоро придёт пора выкапывать мандрагоры, но я ещё не собирала их без заклятия немоты, которое накладывал папа.

– Я вообще не делала ничего подобного одна, без папы.

– Папа почти ничего не ест. Не знаю, почему: потому что я не умею готовить или потому что...

Но эту мысль Клементина не позволила себе додумать до конца – даже в тайном садике, даже если знать об этом будут только Дама в Белом и её лунные цветы.

Глава 3

Чужак в деревне, или Почему все ленты в волосах должны быть только чёрными и никому никогда нельзя ни с кем говорить

Безусловно, тёмный лорд Элитор был великим и ужасным, а его идеально налаженная бесшумная ферма исправно поставляла кобылок-страшилок, мандрагору и ядовитые травы, но оставалось ещё немало ежедневных обязанностей, для которых ни у тёмного лорда Заколдуна, ни у Клементины не нашлось бы ни времени, ни сил, ни желания выполнять их самим. И поскольку Клементина не собиралась слепнуть, часами щурясь на иголку с ниткой, или исходить потом возле очага, то суп, хлеб и одежду необходимо было покупать (или пригрозить и отнять силой) за стенами замка. Что означало неизбежность периодических вылазок в деревню. И в этот раз Клементина слишком долго оттягивала вылазку за припасами.

Девочка спускалась в долину у подножия Семи Сестёр, на ходу приглаживая волосы в попытке придать сегодняшним фиолетовым прядям более естественный каштановый оттенок. Это был скорее автоматический жест – она же не собиралась общаться с местными, – но папа её учил, как важен внешний вид, если хочешь внушить аудитории должное почтение. Вряд ли блеск фиалковых локонов вселит страх в сердца крестьян. Она расправила подол юбки из чёрной тафты, туго застегнула высокий воротничок блузки и невольно поморщилась: сверкающие лаковые чёрные туфельки натирали ноги. Прошло довольно много времени с тех пор, как она надевала что-то более нарядное, чем домашнее платье и разношенные рабочие башмаки. (Тут она с изумлением сообразила, что даже не в состоянии вспомнить, когда в последний раз переодевалась к обеду.) Но чтобы появиться в деревне, она должна была выглядеть свежо и безупречно, в точности как одно из ядовитых яблок замкового сада: прекрасно и смертоносно.

Не успела Клементина появиться на главной улице, как новость о её визите понеслась от дома к дому, словно шёпот, подхваченный ветром. Матери спешили загнать детей в дом или хотя бы спрятать за своими юбками. Немногочисленные хозяева лавок старались затворить ставни, когда думали, что девочка на них не смотрит. Работники, чинившие крышу, замерли на месте, боясь опустить занесённые в воздух молотки, пока Клементина не ушла достаточно далеко. И пока она не скрылась из виду, не было слышно ни одного громкого удара – просто на тот случай, если следом явится сам тёмный лорд Элитор.

Нагружая корзину хлебом, свечами, мазью для лошадиных копыт и особенным мылом с ароматом лакрицы, которое аптекарь варил исключительно для лорда Элитора, она старалась держаться как можно более надменно и как можно меньше разговаривать с жителями деревни. Девочка буквально чувствовала, как они старательно избегают смотреть ей в глаза, чтобы тут же устремить пронизывающие взгляды ей в спину, стоило ей отвернуться. Это Клементину не тревожило, да и при других обстоятельствах тоже ничего бы не поменялось – особенно если бы здесь присутствовал сам Элитор. Честно говоря, ей иногда даже льстило такое внимание, когда она шла рядом с отцом по опустевшим улицам и все головы поворачивались им вслед. Ей нравилось думать, что люди её осуждают, считая странной или пугающей, но ничего не могут с этим поделать. И только Клементина могла заметить лёгкую улыбку в уголках губ лорда Элитора в ответ на подобострастные поклоны и приветствия, сопровождавшие их проход по деревне, и она была довольна, видя, как доволен *он*, и что всё идёт так, как надо.

Давным-давно, когда она была ещё совсем маленькой и плакала, если деревенская малышня не хотела с ней играть, папа объяснил, что ей вообще не должно быть дела до того,

как к ней относятся. Ведь по сути их неприязнь и страх – ещё один символ её успеха. Крестьянам вовсе и не полагается быть такими, как она.

Им полагается бояться её.

Но пока она торопилась закончить покупки, стараясь не забыть вовремя рявкнуть на жену пекаря за неповоротливость или припугнуть ученика кузнеца за то, что тот слишком долго на неё смотрел, ей впервые в жизни стало ясно, что боится-то *она*. И пока девочка отмечала все эти подозрительные взоры из-за каждого угла, в голове снова и снова крутился вопрос (ну, вообще-то взоры были более подозрительными, чем обычно): *а вдруг они знают?* Вдруг до крестьян дошли слухи о проклятии, поразившем лорда Элитора? Вдруг им известно, что с того, кто без колебаний отбирал у них урожай, душил несправедливыми налогами и поборами, а однажды и вовсе превратил всех сопрано в церковном хоре в котов и запер у себя замке – медленно, но верно снимают стружку? Что они сделают, если прознают, что тёмный лорд Элитор только и способен, что пронизывать яростным взором или грозить острым одеревеневшим пальцем?

«Они немедленно расправятся с тобой, – звенел тонкий голосок в голове у Клементины. – Они сровняют с землёй твою ферму и замок, а тебя вышвырнут вон – если не хуже. И что ты будешь делать?»

Клементина заставила себя двигаться как можно более уверенно, считая каждый шаг: спина прямая, взгляд твёрдый.

Глупо так пугаться. У местных не было никакой возможности прознать о папином беспомощном состоянии – по крайней мере, пока. Они все шарахаются от её тихой фермы, как от чумы, а Стружечная ведьма – если это действительно она наложила проклятие – предпочитает пока таиться в тени. Лорд Элитор обязательно найдёт способ избавиться от напасти. И все неприятности останутся незамеченными для ничего не подозревающих подданных замка.

Внезапно широко распахнулись выкрашенные белой краской двери школы на краю деревни. Началась перемена, и ребятня выскочила на лужайку, чтобы поиграть и съесть свой завтрак. Клементина, чья уверенность вдруг куда-то пропала, отступила назад. Под самым большим дубом в школьном дворе угнездилась стайка девочек. Громко переговариваясь и хихикая, они принялись доставать завтрак из корзинок. Клементина засмотрелась на бледно-розовые, голубые и зелёные ленты у них в косичках и машинально провела рукой по своей ленте из чёрного бархата. Прижав к себе корзину, девочка свернула с главной улицы, чтобы пройти за домами и подобраться к школьному двору сзади.

На опушке леса, начинавшегося сразу за школьным двором, Клементина укрылась в тени деревьев. Лавины и оползни оставили здесь много мшистых валунов – отличное место, где бы мог затаиться начинающий тёмный лорд. Конечно, Клементина вовсе не собиралась прятаться. Но всё же иногда... ну, иногда ей было *интересно* увидеть, как они себя ведут, когда ни её, ни лорда Элитора нет поблизости. Ведь это полезно: хорошо знать своих подчинённых. Да?

Из-за валуна Клементина следила, как играют в мяч деревенские мальчишки, бегая по двору, хохоча и хлопая друг друга по спине. (Хотя Клементина уже не первый год издалека подсматривала за этой игрой, ей так и не удалось понять, какая у них *цель* и как вообще они решают, кто выиграл. Она могла лишь догадываться, что правила меняются прямо на ходу.) И пока девочка следила за игрой, ей вдруг пришло в голову...

С каждым днём пугала на ферме становились всё более ненадёжными работниками, а изгородь в курятнике *так и лежала* в руинах. (Удивительно, что в таком обширном собрании книг, как библиотека Заколдунов, не нашлось ни одного руководства по плотницкому делу. Непростительная оплошность!) Девочке пришлось перевести обычных кур в тесный огородик при кухне, подальше от их огнедышащих товаров, с отдельным входом для себя, чтобы можно было их кормить каждое утро. Починка изгороди и освоение огнеупорного заклятия стали жизненной необходимостью. Вряд ли устройство крестьянских ферм намного отличается от

того, что в замке, – за исключением опасных созданий и ядовитых растений. И наверняка кто-то из этих мальчишек и девчонок мог что-то знать о том, как чинят изгороди. Возможно... возможно, она могла бы попросить о помощи.

Клементина досадливо скривилась от одной мысли об этом. Папа *никогда* не допустит посторонних на ферму – в особенности местных крестьян. Они неуклюжие, тупые и ленивые, им нельзя доверить ничего серьёзного, если не пригрозить смертью, а всем известно, как изматывает волшебника любое постоянно поддерживаемое смертельное заклинание. Простым людям вообще не следует доверять ничего из тех дел на ферме, которые требуют применения волшебства. И тем не менее пока папа не в состоянии покинуть стены замка Провал, а повседневные нужды растут с каждым днём... придётся идти на компромиссы.

Мяч внезапно отскочил от соседнего валуна, и Клементина спряталась ещё глубже. За мячом прибежал загорелый веснушчатый паренёк с растрёпанной шевелюрой. Он подобрал мяч, прижал его коленом и пристально всмотрелся в лесную чащу. Клементина совсем сжалась. Неужели он заметил, что она подглядывает?

– Хватит копаться, Себастьян! – окрикнул его один из приятелей во дворе.

– Давай, Фроули, бросай его сюда! – подхватил второй.

Клементина осторожно выглянула из-за валуна и увидела, как мальчик – насколько она могла судить, Себастьян Фроули – встряхнул головой, сильным пинком запустил мяч в воздух и побежал к друзьям. Девочка плюхнулась прямо на землю, с облегчением переводя дух, и тут же покраснела от стыда. Как могла она, Клементина Заколдун, наследница тёмного лорда долины Семи Сестёр, бояться кучки крестьян? Кучки *детей*? Это было недопустимо. Но почему-то ей было проще вести себя как надменный владетель перед пекарем и свечником, за стенами их лавок, чем просто *пересечь* школьный двор во время перемены. Да что с ней не так?!

Однако додумать эту мысль ей не дали. Внезапно хохот и крики детворы превратились в шёпот и хихиканье, а Клементина знала, что это всегда предвещает что-то неприятное. Снова испугавшись, что её заметили, девочка выглянула из-за валуна и поняла, что внимание детей обратилось на кого-то другого.

Мимо школы шла – или пыталась пройти – женщина, которой мальчишки преградили дорогу. На ней были надеты мужские брюки, меховая жилетка с облегающей блузкой и серый дорожный плащ с капюшоном, смотревшимся странно в такой жаркий день. Заметив, что на неё обратили внимание, незнакомка натянула капюшон ещё ниже.

– Ой, мисс! – воскликнул один из мальчишек. – Из чьих же вы будете?

Женщина ответила, но Клементина была слишком далеко, чтобы разобрать слова. Мальчишки обступили её ещё теснее.

– Вы такая хорошенькая, а личико прячете? – осведомился черноволосый парень, сидевший верхом на школьном заборе.

– Ох, Родрик, не приставай к ней! – крикнула одна из девочек, сидевших под дубом, но никто из её компании не собирался встать с места.

Мальчишка с костлявой физиономией поднял с земли длинный сук и взмахнул им, стараясь дотянуться до края капюшона, чтобы открыть лицо незнакомки. Однако женщина отбила его таким молниеносным движением руки, что никто и ахнуть не успел, как палка вылетела на дорогу. От неожиданности мальчишка отдёргнул руку, а женщина тут же поправила капюшон. Раздались удивлённые охи.

– Я вежливо попросила дать мне пройти, – на этот раз женщина заговорила громче, и Клементина её услышала.

Однако до её слов никому уже не было дела. Все уставились на её *лицо*. Женщина оказалась совсем молодой, едва ли старше двадцати лет. Густые каштановые волосы были собраны в узел на затылке. Даже отсюда Клементина видела, что она настоящая красавица – а ещё поняла,

отчего все зрители охнули. Уродливый глубокий шрам начинался от угла рта, пересекал щеку и почти доходил до волос, отчего губы постоянно кривились в угрожающей ухмылке.

Мальчишка попятился на несколько шагов, но очень быстро справился с замешательством.

– Ведьма! – заверещал тот, что недавно пытался поднять её капюшон, тыча в незнакомку пальцем.

Остальные согласно загомонили. У Клементины застучало сердце. А вдруг они угадали? Вдруг это и есть Стружечная ведьма, явившаяся наконец-то сама, чтобы нанести смертельный удар?

Но женщина со вздохом возразила:

– Уверяю вас, я всего лишь путница, прохожая. А теперь, будьте так добры...

– Пошла прочь, уродина, ведьма! – заорал парень, которого звали Родрик. Он сплюнул на дорогу.

Немногочисленные взрослые, задержавшиеся посмотреть, что происходит, торопливо отворачивались и спешили убраться подальше, а те лавочники, которые не успели захлопнуть двери при появлении Клементины, сделали это теперь – и этого молчаливого одобрения, судя по всему, мальчишкам было достаточно.

– Ты что, глухая? Вали отсюда!

– Карга, ведьма!

– У нас ведьмам не место!

Ребята обступили женщину: близко подойти так никто и не осмелился – они держались поодаль, выкрикивая оскорбления и швыряясь палками. Не то чтобы Клементину очень огорчило бы изгнание ведьмы из долины – особенно Стружечной ведьмы, – но она сильно сомневалась, что эта таинственная незнакомка вообще была ведьмой. Конечно, осторожность никогда не лишняя, но вот если бы она и правда была ведьмой – почему не защищается? Почему не обратит приставал в слизняков, не сходя с места? Уж тёмный лорд Заколдун не стал бы с этим медлить.

Клементина не осмелилась задержаться, чтобы посмотреть, чем кончится дело. Она уже знала, как обычно бывает в таких случаях, – конечно, женщине придётся бежать из деревни или ещё хуже. А эта прохожая, скорее всего, вовсе не плохая *или* вообще не имеет отношения к волшебству. Просто она была не такая, как все, – а этого, по твёрдому убеждению крестьян, было более чем достаточно, чтобы обречь её на позор и изгнание.

Клементина подхватила корзину и поспешила вернуться по своим следам, время от времени проверяя, чтобы волосы сохраняли естественный оттенок. Именно поэтому папа всегда предостерегал девочку от того, чтобы слишком задерживаться в деревне – и не важно, тёмный лорд ты или нет. Если простолюдины перестанут тебя бояться и уважать – хотя бы на мгновение, – дело может кончиться чем-то гораздо худшим пары грязных палок.

И о чём она только думала, собираясь предложить этим мальчишкам работу на ферме? Да они скорее сожгут её на площади, чем согласятся помочь!

Клементина припомнила, что ещё собиралась сегодня купить, решила, что не особенно нуждается в новых шнурках для ботинок, и поспешила назад, на тихую ферму. Назад, туда, где овцы не блеют, свиньи не хрюкают, а все ленты в волосах чёрные, и нет причины желать чего-то другого. Где никто не смеет следить за нею искоса, кроме голов, насаженных на пики на крепостной стене, а больше там никого и не было, чтобы следить, – и это её вполне устраивало.

По дороге к замку Клементина любовалась Дамой в Белом и её каскадом в снежной мантии. И впервые за всю свою жизнь, сама не зная почему, Клементина загадала желание для кого-то другого.

«Пожалуйста, помоги той прохожей!» – подумала она.

* * *

Себастьян Фроули отстал от одноклассников. Заложив руки за голову, так что локти торчали в стороны, как куриные крылья, он лениво пинал комки грязи на дороге. Он держался не слишком далеко от остальных, чтобы не выглядеть трусом, но надеялся, что те несколько шагов, что отделяли его от наглого пристава Родрика, ясно демонстрировали его независимость и равнодушие к их забавам.

– Эй, может, доиграем в мяч? – предложил Себастьян. – Уже скоро звонок.

Кто-то из одноклассников оглянулся, давая проход женщине, старавшейся протиснуться мимо них. Мальчишки всё ещё корчили рожи и пинали в её сторону комки земли, а Грегор и Кудлатый Кэб даже сделали несколько угрожающих жестов, но благоразумно держались на расстоянии. Женщина снова подняла капюшон и поспешила прочь – мальчик очень надеялся, что с нею ничего больше не случится. Себастьян не ошибся – в эту минуту зазвонил школьный звонок, и ни у кого не возникло желания получить выволочку от учителя за опоздание на урок. «Мы изгоняли ведьму» вряд ли стало бы в его глазах достойным оправданием за пропущенное начало урока.

Понимая, что до возвращения в класс осталось лишь несколько минут, Себастьян замахнулся и запустил мяч прямо в лохмы Кудлатого Кэба: тяжёлый мяч врезался в затылок мальчишки со смачным *шмяк*. Грегор перехватил мяч и злорадно ослабился.

– Ты чего? – заныл Кудлатый Кэб, потирая затылок.

– Просто проверяю на всякий случай: а вдруг у тебя уже башку снесло? – ответил Себастьян. – Ты так и лез к этой ведьме. Она бы запросто тебя схватила, если бы захотела, – и мальчик скрючил пальцы, шевеля ими так, как, по его мнению, делают ведьмы, когда колдуют.

Все дружно расхохотались, Кэб дружески пихнул Себастьяна в бок, девчонки дружно закатили глаза, и игра возобновилась на те несколько минут, что оставалось до начала урока.

Но даже хохоча во всё горло вместе с Грегором и Саймоном и подсчитывая очки, набранные в тайном соперничестве с Родриком, Себастьян не мог избавиться от тошнотворного ощущения при воспоминании о женщине со шрамом. Хотя его поступки успешно отвлекли от незнакомки внимание одноклассников, рыцарскими их никак не назовёшь, а Себастьяна Фроули с некоторых пор очень волновало всё, что касалось рыцарей. И хоть он сам не очень представлял, что значит *быть рыцарем*, но отважные герои любимых рассказов, которые читала Себастьяну мама, всегда вели себя исключительно как рыцари. Для этого они занимались такими вещами, как защита чести дамы сердца, спасение дам из башен, бросание плаща на ступени, чтобы по ним спускалась дама, учтивое обращение с дамами и вообще со всеми людьми и, конечно, умерщвление драконов. Вот только умерщвление и сражение на поединках, кажется, входило в особый список рыцарских умений.

Себастьян Фроули хотел стать рыцарем больше всего на свете. Он понимал, что для сына бедного крестьянина из деревни под властью жестокого тёмного лорда это не очень-то реально, но ведь возможности есть всегда. Когда Себастьян вырастет, он сможет покинуть деревню, чтобы искать рыцарей за лесом или даже по ту сторону гор. Мальчик верил, что на свете есть не только злые, но и добрые лорды, и для Себастьяна будет величайшей честью поступить на службу к такому человеку. А если не сработает и этот план, никто не мешает ему идти и идти по лесам до тех пор, пока не попадётся прекрасная дева, ждущая своего спасителя, или какая-нибудь волшебная вещица. Судя по маминым книгам, в лесах было полно всяких волшебных кубков, зачарованных мечей и девиц, которых надо спасти.

А тем временем у Себастьяна ещё оставалась пара лет для освоения рыцарских навыков. Это означало не только упражнения с мечом, выглядевшие как атаки на старое дерево в саду с помощью самого длинного маминого кухонного ножа, пока она не видит. Кроме того,

Себастьян старался овладеть рыцарскими манерами поведения. И вот сегодня, получив уникальную возможность встать на защиту обиженной дамы, он... просто не встал. Он не остановил друзей грозным окриком и не вызвал никого на поединок в защиту её чести. Он искусно отвлек внимание обидчиков, не рискуя собственной репутацией. Он просто струсил.

С другой стороны, размышлял Себастьян, упомянутая дама не очень-то походила на прекрасных дев, о которых он читал в книгах. Прямо скажем, прекрасного в ней вообще было мало. Но хотя все остальные сразу решили, что этот шрам – не что иное, как ведьминская метка, Себастьян так не думал. Так или иначе всем местным жителям приходилось встречаться с попрыгушками, которые почти не отличались от обычных людей – разве что волосы у них были редкие. А ещё у папы Себастьяна на ноге остался шрам после того, как на него напал бык, и выглядел он так же, как у незнакомки. Вот почему для Себастьяна «шрам» вовсе не означал «ведьму». Только одежда у неё была необычная, чем-то напоминавшая наряды попрыгушек, да ещё эти мужские брюки... И она не убегала от обидчиков и не звала на помощь, как следовало бы поступить дамам из рыцарских книжек.

Вот вопрос: если она не была ведьмой, но в то же время вела себя не как прекрасная дама – что следовало сделать будущему рыцарю? Возможно, его поступок стал мудрым решением. А попрактиковаться в рыцарских манерах у него ещё будет много возможностей.

Под звон колокольчика ученики потянулись в класс. Как обычно, Себастьян задержался, чтобы оказаться в конце очереди. Он был готов всеми способами до последнего оттягивать момент, когда придётся сесть, неловко подогнув длинные ноги, за низкую парту, чтобы разглядывать ряды букв и цифр, никак не входивших в его представления о приятном времяпрепровождении. Всё ещё размышляя о рыцарских манерах, мальчик смотрел на Семь Сестёр. Вот если бы *все* дамы были такими же истинными леди, как Дама в Белом!

Тут его внимание привлекло движение у подножия гор. Себастьян всмотрелся и различил крохотную из-за расстояния фигурку, пересёкшую подъёмный мост, вошедшую в огромные ворота и поднимающуюся теперь по извилистой тропе замка Провал с корзинкой в руках: Клементина Заколдун. Кажется, это она недавно подглядывала за ними во время игры: Себастьян замечал её уже не в первый раз. Вряд ли её успел засечь кто-то другой – тогда бы в школе только об этом и говорили, – но могло быть и так, что одноклассники тоже предпочли притвориться, будто никого не видели. Скорее всего, никто не хотел лишний раз привлекать к себе её внимание – и внимание её отца.

Как это ни странно, сам Себастьян нисколько не пугался, замечая Клементину возле школьного двора. Ему было просто любопытно и даже скорее... жалко её. У девочки был такой вид, словно она только и мечтает поиграть вместе с ними или даже сесть за исцарапанную парту. Интересно, в этом мрачном замке в горах ей есть с кем поговорить, кроме тёмного лорда?

Себастьян выбросил из головы эти мысли и следом за остальными пошёл в класс, громко хохоча над какой-то шуточкой Родрика и обмениваясь шутливыми тычками с Грегором, но толком не прислушиваясь к ним. Конечно, всё это смешно. Нашёл кого жалеть: Клементину Заколдун! У неё с рождения было всё, о чём могут только мечтать дети из деревни: деньги, власть, высокое положение. Чего ещё ей желать? И даже если так, с какой стати это должно беспокоить Себастьяна?

Наступит срок – и Клементина Заколдун станет следующим тёмным лордом. И вырастет в такую же бессердечную и жестокую особу, как и её отец.

К тому же тёмный лорд (пусть и девчонка!) ну никак не подходил на кандидатуру прекрасной дамы.

Глава 4

Интересный поворот, или Конец света

Дорогой Элитор!

Честно признаться, я удивлена, как долго ты мне сопротивляешься. Слухи о твоей слабости явно преувеличены.

Но сейчас не время топтать ногами (или тем, что от них осталось). Мы оба отлично знаем, что снять проклятие не сможет никто, кроме меня. Конечно, с единственным недоказанным исключением. Я была удивлена ещё сильнее, что ты, судя по всему, не прибеж к этому... исключению. Ах, как благородно с твоей стороны! Неужели и у тёмных лордов есть пределы коварства?

Как я уже говорила, мне бы не хотелось проявлять ненужную жестокость при захвате замка Провал. Зачем обрекать на лишние страдания невинных жителей Семи Сестёр – а если уж на то пошло, то с ними и твою дочь, – при неизбежной передаче власти? Если ты не станешь поднимать шума, я даже позволю большинству из них пожить – разумеется, до тех пор, пока не получу всю полноту силы тёмного лорда.

Владычеству дома Заколдун над Семью Сёстрами пришёл конец, так же, как и тебе самому. И то и другое неизбежно. Однако за тобой всё ещё остаётся выбор, что исчезнет раньше.

Жду ответа.

Лесная ведьма

Тёмный лорд Элитор Заколдун дочитал письмо и захотел бы презрительно фыркнуть, если бы ему не было так трудно впускать и выпускать воздух через щели в носу. Стружечная ведьма весьма искусна в ворожбе – этого у неё не отнимешь. Терпение, с которым она столько лет таилась в тени, копя силы и избегая разоблачения, было тем выдающимся качеством, каким не могли похвастаться большинство её коллег. Они вечно поднимали шум, как только находили причину: злостная вырубка леса, недемократичная система власти тёмных властелинов, – и тем самым выдавали себя, после чего отправлялись на костёр или просто исчезали без следа, не успев ничего предпринять (в этом тёмный лорд был хорош как никто). Даже имевшие разрешение на колдовство Злые ведьмы были слишком заняты сиюминутными удовольствиями вроде запекания в печке младенцев или юных неопытных рыцарей. Им не хватало сосредоточенности и деловой хватки, чтобы накопить ресурсы и власть и править так, как умеют лишь тёмные лорды.

Однако эта Стружечная ведьма мало походила на прочих. Её красивые слова о ненужной жестокости никого не обманули. Они оба отлично знали, почему ведьма пока не напала на замок в открытую и даже не попыталась убить лорда Элитора. Ведь именно здесь, в родных стенах, под защитой Четвёртой Сестры, его могущество было сильнее всего. Одних наложенных на ферму чар достаточно, чтобы поднять в бой целую армию. (Правда, лорд понимал, что на армию его не хватит. Разве что на самую маленькую. И за всю его жизнь в этой армии ни разу не возникло необходимости.)

Элитор подозревал, что сила самого проклятия не безгранична – вот почему ведьма не устроила публичной казни, попросту снеся голову его симулякру, то есть копии. Прирождённым даром Стружечной ведьмы оставалась арбомансия. И хотя практически ни одно дерево не могло устоять перед её чарами, подчиняясь любой её прихоти, власть над деревьями оставалась временной. Стоило её чарам ослабнуть, как растения возвращались к своему естественному состоянию. Чтобы изменить что-то насовсем – например, превратить спокойный светлый

лес в зловещую хищную чашу, – требовалось потратить не меньше времени и сил, чем для того, чтобы вырастить хотя бы одно дерево. И скорее всего, попытка изменить сущность такого сложного объекта, как человек (особенно на расстоянии, как в случае с лордом Элитором), выжимала из её драгоценного леса все соки.

А ещё Элитор подозревал, что есть другая причина медлить и ждать, что он добровольно сдастся. Судя по письму, Стружечная ведьма хочет не просто убить Элитора, она мечтает сама сесть на трон тёмного лорда. Она не бросалась в его адрес обычными для ведьм обвинениями и угрозами, но при этом неспроста упомянула о его владениях и титулах и вряд ли собиралась бороться с недемократичной системой его правления. А это означало, что ей придётся играть по правилам.

Если Стружечная ведьма попросту прикончит Элитора сейчас, её осудят как заурядную бунтовщицу, посягнувшую на устои власти Совета тёмных владык. Совет обрушится на неё со всей силой и уничтожит до того, как она успеет прыгнуть на метлу, чтобы совершить триумфальный полёт. Но если ей удастся убедить кого надо, что она вовсе не против существующей системы, а просто хочет стать новым тёмным лордом в долине Семи Сестёр, никто не возразит против её официальных претензий на трон лорда Элитора.

Собственно, на его трон мог претендовать любой желающий, однако шансы на успех были столь ничтожны, что никто особо не рисковал. В хрониках дома Заколдун лорд Элитор не нашёл упоминания ни об одном действительно серьёзном вызове их власти на протяжении столетий. Кажется, это вообще случилось впервые.

Лорд Элитор отбросил ведьмино письмо, но даже углубившись в остальные послания, доставленные на птичьих перьях, он не мог позабыть ещё об одной причине – *реальной* причине – столь упорного желания Лесной ведьмы занять место тёмного лорда, чтобы владеть Семью Сёстрами.

Она мечтала поймать в здешних горах единорога.

* * *

– Пожалуйста! – повторила Клементина. – Ради всего плохого на свете, мне нужно, чтобы ты *снесла яйцо!*

Вредка как ни в чём не бывало сидела в ветвях ядовитой яблони и вертела головой, демонстративно не замечая хозяйку. Она захлопала бумажными крыльями, где каждое перо пестрело выцветшими чёрными, серыми и алыми буквами некогда начертанных на её страницах заклинаний, и поднялась к самой верхушке дерева, подальше от Клементины. В подобные минуты девочка думала, что иметь сборник заклинаний в виде весьма взбалмошной курочки-несушки крайне неудобно.

Конечно, Клементина была сама виновата в превращении её гримуара в курицу. Когда она была совсем маленькой, то так мечтала поскорее овладеть всем возможным волшебством, что утаскивала книгу заклинаний всякий раз, стоило папе отвернуться. И не важно, какие чары накладывал лорд Элитор для защиты. Книга могла стать тяжёлой и неподъёмной, как камень, или жалить руки, коснувшиеся её без разрешения хозяина, или спрятаться в самом тёмном углу библиотеки за дверью, охраняемой головой жуткой химеры, – в итоге он всё равно находил малютку Клементину где-нибудь в укромном уголке с гримуаром в обнимку. Малышка восторженно лепетала строки заклинаний, которые пока даже прочесть толком не могла, но которые вполне могли сровнять замок Провал с землёй. Иногда тёмный лорд не мог сдержаться и говорил дочери, что она *слишком* хороша для тёмного лорда. От этих воспоминаний Клементина улыбнулась.

И вот однажды девочка попробовала наложить новое заклинание, чтобы превратить жаб в несушек. (Вообще-то она была готова превратить в несушек кого угодно, просто так уж полу-

чилось, что под рукой оказались одни жабы, и они наверняка были только рады немного побыть курицами). Однако было достаточно одного неверно произнесённого звука, и вдруг гримуар сам обернулся гигантским фейерверком. Когда развеялся дым и волосы Клементины от испуга сделались ярко-алыми, в общем... жаба как была, так и осталась жабой. Зато гримуар превратился в несущую-переростка. Его бесценные страницы стали пёстрыми перьями, на которых нельзя было различить ни слова, а таинственная печать из алого воска на обложке затвердела, превратившись в острый клюв. Гнев лорда Элитора, обнаружившего столь неудачное колдовство, был... впечатляющим.

Чудом избежав участи быть подвешенной вниз головой в подzemелье замка, Клементина надолго отправилась чистить стойла на ферме и целые месяцы старалась вести себя тише мыши. Но даже тогда, после тщательного обследования Вредки, лорд Элитор не пожелал вернуть ей форму книги. Девочке только и оставалось, что учиться на своих ошибках.

Гримуар же так серьёзно отнёсся к своей новой роли насадки, что отныне снабжал Клементину новыми заклинаниями исключительно в виде яиц, и только тогда, когда считал, что она к ним готова. Хотя девочка вообще не понимала, что значит быть готовой к тому или иному заклинанию. Всё-таки гримуар принадлежал ей – точнее, её семье, и главным образом папе, но и ей – по праву рождения. Кто наделил это недоразумение в облике курицы властью решать, способна Клементина усвоить новое волшебство или нет? Зато лорда Элитора, судя по всему, очень порадовало это обстоятельство: наконец-то он мог быть уверен, что до поры до времени самые тёмные и опасные тайны гримуара надёжно спрятаны от дочери.

Но тем не менее Вредка должна была почувствовать, что в замке что-то изменилось. Что безвозвратно миновали те времена, когда невинная, беззаботная Клементина могла часами возиться с новым снесённым заклинанием, отрабатывая его до совершенства. Новая Клементина должна была справляться с новыми обязанностями – и здесь требовалось намного больше волшебства. А обязанностью Вредки было ей помогать.

Однако мольбы девочки так и остались сотрясанием воздуха. Единственным, кто обратил на них внимание, был чёрный барашек, взявший в привычку таскаться за Клементиной по пятам, пока она занималась делами на ферме. Скорее всего, он просто боялся оставаться один среди пугал, ведь поведение этих работников становилось всё более непредсказуемым. Вот и сейчас он улёгся в тени одной из яблонь, изящно спрятав под шерстистым брюшком блестящие копытца, и посматривал на хозяйку с таким скептическим выражением, что можно было не сомневаться в его мнении о том, как выглядит эта унижительная торговля наследницы Заколдун с зазнавшейся насадкой.

Клементина оглянулась на свой сад и вздохнула. До сбора урожая ядовитых яблок оставалось не меньше месяца, но если её не подвело богатое воображение, этим яблокам вообще не суждено было дозреть. Они даже выглядели какими-то... пятнистыми. Девочка сорвала одно мелкое яблочко и внимательно осмотрела. Так и есть: на кожице зеленели странные пятна, а один бочок вообще был порченным. Клементина брезгливо отбросила яблоко в траву.

Ядовитые яблоки обязаны выглядеть *превосходно*. Их кожица по гладкости и алому цвету должна не уступать рубину. А сочная мякоть сиять белее снега. К ним даже грязь приставать не смеет, чтобы предполагаемые жертвы не смогли отвести взгляд от такого совершенства, – в этом и заключался весь *смысл*. Однако эти яблоки мало напоминали полированные рубины. Они выглядели... обычными. Скучными, несовершенными и – что напугало её сильнее всего – напрочь лишёнными волшебства. Клементина взяла образец, чтобы передать на проверку Счетоводу. Стараясь не думать о том, какие выводы сделает Счетовод насчёт урожая яблок, Клементина снова обратилась к Вредке:

– Если ты снесёшь мне заклинание, которое поможет вылечить деревья, я... я отпущу тебя играть с огнедышащими курами, сколько захочешь!

Ну вот, от такого предложения Вредка не откажется ни за что! Гримуар постоянно пытался сломать изгородь, отделявшую его от огнедышащих сестёр, но Клементина и Элитор не позволяли этого сделать из опасений развеять дымом по ветру всё колдовское наследие Заколдунов. (Ну, скорее запретил-то Элитор. Клементина готова была разрешить несколько недолгих встреч под строгим контролем.)

Вредка лишь демонстративно клюнула яблоко острым алым клювом.

– Эй, перестань! – Клементина возмущённо топнула. Она понятия не имела, как подействует незрелое ядовитое яблоко на здоровье волшебного гримуара в облике наседки, и не собиралась выяснять.

– Что-то она не очень слушает, а? – раздался чей-то голос.

Клементина так и подскочила на месте, ударила головой о низко висевшую ветку и плюхнулась на землю с громким *ох*. Почесала ушиб и посмотрела на Вредку: уж не надумала ли эта курица показать своё новое умение? Однако птица как ни в чём не бывало продолжала клевать яблоко. Девочка поднялась.

– Кто это сказал? – сердито спросила она и оглянулась в поисках нарушителя границ. Но никого не увидела.

– Ага, так теперь ты меня слышишь, верно? – спросил голос. Он вроде бы принадлежал мальчику, но казался каким-то дрожащим и гнусавым, как у человека с простудой.

Клементина уставилась на чёрного барашка.

– Пожалуй, это довольно... э... интересный поворот, – заметил барашек.

– Ты говоришь?! – воскликнула Клементина.

У неё подогнулись ноги, и девочка рухнула на колени прямо в грязь, не думая о том, что испачкает дорогое платье или что на него попадёт сок ядовитых яблок. (А вот о последнем, пожалуй, подумать стоило: сок содержал такую сильную кислоту, что прожигал ткань насквозь, если его не смыть.)

– Уверяю тебя, – барашек как ни в чём не бывало хлопал тяжёлыми веками, глядя на хозяйку, – что я удивлён не меньше.

– Сомневаюсь, – выдохнула Клементина, не спуская глаз с существа перед собою.

Вообще-то она не удивилась, что барашек *умеет* говорить. Ну, или удивилась не слишком сильно. Она с самого начала заподозрила, что эта тварь чересчур умна для барашка, и нетрудно было представить, что избытком ума наградил его лорд Элитор в результате экспериментов – или что изначально это вообще был не барашек, а человек. Впрочем, как он превратился в барашка, её не касалось – но чтобы барашек был *говорящим*? Это невозможно! Потому что животным на ферме Заколдунов полагалось молчать – и не важно, были они животными *всегда* или нет.

А раз барашек заговорил, это означало, что все признаки, которые Клементина так старательно пыталась не замечать: сбежавшая, несмотря на подписанный кровью договор, кухарка; застывающие на месте пугала; пропажа огнеупорных заклятий, – больше не замечать нельзя.

Если тихая ферма заговорила, это значит лишь одно: волшебство тёмного лорда Элитора теряет силу.

Глава 5

Тёмный лорд в своей башне, или Как врать, стиснув зубы

Клементина барабанила в дверь. Она не стукнула тихонько и даже не поскреблась еле слышно, она сжала кулаки и *обрушила* их на дверь.

– Отец! – закричала она тому, кто был по ту сторону двери. Не «шепнула» и даже не произнесла «пониженным тоном». Бараны заговорили, пришёл конец света, и это было правильно – вести себя как можно громче. Потому что она должна быть услышана – а лорду Элитору надо это услышать. – Отец, пожалуйста, открой дверь! Нам надо поговорить!

В мастерской что-то прошуршало, но дверь осталась запёртой.

– Отец, пожалуйста! – она снова заколотила кулаками.

И стучала, стучала, стучала, пока вдруг... *ишшшух*. Тяжёлые створки повернулись на петлях, и кулак врезался в воздух. Однако в дверях никто не стоял.

Клементине стало ясно, что это *она* распахнула дверь – и не кулаками, а волшебством. Только что она сняла одно из заклятий своего отца, причём сделала это нечаянно.

Девочка вошла в мастерскую, внезапно оробев от произведённого ею шума. Хорошо же она выглядела со всеми этими стуками и криком. Вот бы её кто-нибудь сейчас увидел: в панике, ничего не соображавшую от страха – уж он-то обязательно воспользовался этой возможностью заставить её врасплох.

Разве не учил её отец сдержанности в этой самой мастерской, когда наставлял в искусстве Тёмного Владычества? Стоило ей сделать хоть малейшую ошибку в заклятии – и его слова свистели в воздухе, как кнут, и ранили куда сильнее, чем последствия любой ошибки. От этого она ошибалась снова и снова, отчего Элитор бесился ещё сильнее, и они без конца повторяли урок, пока отец не вылетал вон, пылая от ярости, а Чёрный Дворецкий катился следом за ним, жужжа и щёлкая с самым презрительным видом. В этой самой комнате Элитор слышал, как она поёт – всего однажды, – и мановением руки заставил её горло полыхать огнём каждый раз, стоило ей забыть и запеть. В этой комнате Клементина толкла в ступке рыбы глаза для его зелий и крошила свежие мандрагоры, кричавшие и корчившиеся от боли.

Сердце замерло у неё в груди. Эта комната явно не была её любимой.

Клементина шагнула внутрь и всмотрелась в царивший здесь полумрак. Отец постарался найти самые плотные тёмные шторы для единственного узкого окна, прорубленного в гранитной стене. В щели между шторами едва пробивался жалкий лучик света, сверкая на кипящих снадобьях, гранях стеклянной посуды и никогда не пустующих медных клетках. Девочка повернулась к окну, и по её безмолвному приказу чары раздвинули плотную ткань, впуская в мастерскую дневной свет.

Лорд Элитор с сердитой гримасой заслонился от солнца, но недостаточно быстро: Клементина успела увидеть его лицо. Он сидел, скорчившись за рабочим столом из мрамора спиной к девочке перед тускло светившей лампой. На ногах, больше не достававших до пола, болтались ставшие слишком большими башмаки. Дворецкий затаился под ним, как будто чёрный кот, свернувшийся клубком в тени, вот только коты не стараются то и дело поправить башмаки на ногах у хозяина.

Лорда Элитора стало трудно узнать. Вместо волос на месте бровей и усов остались мазки чёрной краски на грубой, потрескавшейся коже. Щёки ввалились, и кости торчали, как будто его морили голодом. И хотя лорд постарался отвернуться, Клементина заметила, как сжалось в кулаки то, что оставалось от его рук.

Больше всего ей хотелось сейчас кинуться к отцу, чтобы разжать эти бедные тонкие пальцы, пока они не треснули от напряжения, поцеловать их и прижать к щекам, даже рискуя пораниться об их острые края. Впервые за долгое-долгое время девочке хотелось положить голову к папе на колени и просто *выплакаться*. У неё на глазах выступили слёзы. Однако она не посмела дать им волю – особенно в этой комнате. Только не в башне тёмного лорда.

– Клементина, – сказал отец, по-прежнему глядя в свои бумаги. – Кажется, я велел тебе не мешать мне работать.

– Д-да, папа, но...

– Запри за собой дверь, когда будешь уходить.

– Я попытаюсь, папа, но...

– И наведи порядок в курятнике. Ты вся провоняла дымом.

– Да, папа, но я пришла сюда, чтобы...

– Я НЕ ПОВТОРЯЮ ДВАЖДЫ! – Элитор стукнул по столу кулаком с громким треском, вскрикнул от боли и прижал руку к груди.

– Папа! – позабыв обо всех страхах перед этой башней, Клементина рухнула на колени возле отца. Если ведьмино проклятие так разрушает его снаружи, жутко подумать, что же с ним творится *внутри*. Она осторожно погладила руки отца. Дворецкий так и кружил под ногами с тревожным воем.

– Это не больно, – пробормотал лорд Элитор, попытавшись оттолкнуть Клементину. Тычком башмака он заставил Дворецкого замолчать. – По крайней мере, не так... как тебе кажется, – он вздохнул.

На столе остались щепки от руки. Клементина не успела их собрать: сквозняк из окна сдул их на пол. Да и лорд Элитор, похоже, не собирался их возвращать.

– Папа, – сказала Клементина. – Пожалуйста, пожалуйста, скажи, что ты скоро снимешь проклятие. Пожалуйста, скажи, как тебе помочь.

Лорд Элитор ничего не ответил. Единственными звуками в мастерской были его свистящее дыхание да низкое жужжание Дворецкого. Клементина в отчаянии оглянулась.

– Папа, на ферме что-то происходит, – тихо проговорила она. *Ферма умирает*. – Волшебство... я уже не могу сказать, сколько ещё я... мы... сможем поддерживать всё как есть. – Девочка с таким интересом разглядывала складки своего прожжённого соком платья, как будто не видела ничего удивительнее, и старалась дышать как можно ровнее. Наконец она почувствовала осторожное прикосновение. Изуродованная, жалкая рука отца робко гладила её по волосам. Она подалась вперёд.

– Неужели ты совсем не веришь в мои силы? – наконец произнёс тёмный лорд, однако в голосе не хватало прежней надменности.

– Я верю в тебя как никто, папа, – возразила Клементина. – Но ещё я знаю, что ты... ты ведь умираешь.

Его рука замерла в воздухе. И как бы ужасно это ни звучало, но Клементина почувствовала... что-то сродни облегчения, когда произнесла эти слова вслух. Больше не надо было прятать их на задворках сознания, отравляя все остальные мысли.

Она машинально смахнула с подола мелкие щепки.

– Клементина, я сниму это проклятие, – сказал отец, опуская руку. – Не для того Заколдуны правили столетиями в Семи Сёстрах, чтобы сдать перед...

– Ведьмой? – закончила Клементина, на сей раз едва слышным шёпотом.

Лорд Элитор вздохнул.

– Клементина, пообещай мне кое-что. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы снять проклятие. И до тех пор, пока я это не сделаю, ноги твоей не будет в этой башне.

– Но как же тогда...

– Это не важно. Мой помощник обо всём позаботится.

Чёрный Дворецкий зажужжал, подтверждая слова хозяина, и яростно замигал огоньками на полированном чёрном диске.

Клементина собралась было спорить, но внезапно всё поняла. Отец не хотел повторения сегодняшнего события. Он не хотел, чтобы Клементина видела его в таком состоянии – особенно если всё станет ещё хуже.

– Присмотри за фермой, если сможешь, – хотя тебе придётся иногда появляться и в деревне, чтобы там ничего не заподозрили. Никому не доверяй и ни с кем не разговаривай. Понятно?

Клементина сглотнула комок в горле и кивнула.

– Д-да, папа.

– И кроме того, пообещай мне, что не станешь сама её искать.

Клементина подняла взгляд на отца и, даже несмотря на острые торчащие скулы и то, с каким трудом ему давалось каждое слово, увидела в его глазах то, что напугало её до смерти: страх. Лорд Элитор Заколдун, жестокий Владелец долины Семи Сестёр, профессиональный угнетатель и творец Мерзких Штучек, дрожал от страха.

– Обещай мне, – повторил он, – что не станешь сама искать Стружечную ведьму.

* * *

Лесная ведьма шла через лес и пела.

Птичий щебет и возня мелких лесных зверюшек замирали, как только раздавалось это странное, заунывное пение. Белки забывали о собранных орехах, роняя их на землю и торопясь убраться как можно дальше от этих звуков. Молодая лань застыла на месте, дрожа всем телом, как будто попав под прицел охотника, и не смела шелохнуться, пока ведьма не скрылась из виду. Только деревья, зачарованные пением, жадно склонялись к широко распростёртым рукам.

Тихое жужжание с отчётливым хлопком привлекло её внимание. Она прекратила пение ровно настолько, чтобы рассмотреть маленький плетёный оберег, подвешенный на дубовом суку и лопнувший пополам, так что обрывки нитей затрепетали на ветру, как остатки паутины, прежде чем упасть на землю. У здешних попрыгушек не было против неё ни малейшего шанса. Она это знала, и они это знали. Вот почему они удирали в дальние чащобы, ещё не покорившиеся её чарам. Однако совсем скоро она завладеет всем этим лесом. Как-никак это её дар.

Ведьма покрутила головой, сердито кряхтя из-за треска и хруста. Она провела пальцами по шее и совсем не обрадовалась, найдя кожу ещё более дряблой и обвисшей, чем нынешним утром. В последнее время ведьма слишком напрягалась, вынужденная трудиться на пределе возможностей. Старые кости утомлялись гораздо быстрее, чем когда она была моложе на несколько сотен лет. Чем старше кости, тем более мощное волшебство требуется для их обновления, для того, чтобы кожа оставалась упругой, а светлые волосы отливали чудесным блеском. Вот почему ей был так необходим толчёный рог единорога: старые запасы Стружечной ведьмы давно подошли к концу.

Однако её усилия оправдаются, уверила она себя и снова запела. Уже скоро ей будет принадлежать не только этот лес. Скоро, когда лорда Элитора сломит отчаяние или когда его чары ослабнут, она станет полноправной владычицей Семи Сестёр. И в качестве нового тёмного лорда получит власть над укрытием единорога. Когда она его поймает, ей больше не придётся беспокоиться о потере сил.

Ну, по крайней мере, на ближайшие полторы сотни лет. Ведь у чар вечной юности жуткий аппетит.

* * *

Клементина осторожно закрыла дверь в отцовскую мастерскую. Девочка потёрла красные опухшие глаза, откинула с лица волосы и чуть не налетела на комок чёрной шерсти. Опять этот барашек! Каким-то чудом он смог сюда пробраться – он что, умеет и по лестницам лазать? – и теперь очень серьёзно смотрел на неё.

– Ты ведь собралась нарушить его правила? – проблеял он гнусавым дрожащим голосом.

– Тсс! Брысь отсюда! – Клементина испуганно оглянулась на дверь: она была плотно закрыта и надёжно заперта. Отец заболел, но не оглох, и ему вовсе незачем знать, что дела на ферме *настолько* плохи, что заколдованный барашек уже шастает по всему замку.

Клементина погнала его прочь по коридору.

– Надо полагать, ты успел всё подслушать, – сердито заметила она. – И с чего это ты взял, будто я не стану ему подчиняться?

– Я уже видел у тебя этот взгляд, – отвечал барашек, спускаясь по лестнице. (Между прочим, он на удивление ловко умел передвигаться по ступеням.) – Это взгляд «сейчас я не послушаюсь папы». Уж я-то хорошо его знаю.

Клементина застыла на последней ступеньке и посмотрела на барашка.

– Я не нарушу своё обещание, – возразила она. – Я всего лишь немного... его изменю, – по коридору девочка вышла на балкон, откуда вся долина была как на ладони. – Искать *сведения* о Стружечной ведьме – не одно и то же, что искать *саму* ведьму.

Клементина положила руки на каменные перила. Подумать только, до чего она дошла: не успела пообещать отцу ни с кем не разговаривать – и вот, пожалуйста, делится самыми опасными подробностями их положения с существом, явно умудрившимся так разозлить лорда Элитора, что тот превратил его в барана.

Но хотя Клементина отдавала себе отчёт в том, что от совещания с бараном вряд ли будет много толку или помощи в борьбе с таким могучим противником, как Стружечная ведьма, и что её поступок скорее продиктован желанием поговорить с кем-нибудь... (*хоть с кем-то*, пока отец затворничает у себя в башне), и что сам лорд Элитор велел *никому не доверять*... она не смогла отказаться от своей идеи.

– И ты мне поможешь, – заявила Клементина.

От удивления барашек заблеял.

– Я не смогу одна и управляться с фермой, и искать сведения о ведьме, – продолжила Клементина. – И если ты мне поможешь, я обещаю... – она перевела дух и отважно взглянула на барана. – Я обещаю найти способ снова сделать тебя человеком.

Барашек молча жевал верхнюю губу, явно задумавшись над её предложением.

– И ты разрешишь мне читать в библиотеке? – спросил он.

Клементину невольно шокировала картина: мохнатый бараний зад на одном из трофейных тронов её отца.

«Компромиссы важны!» – напомнила себе девочка.

– Я согласна!

* * *

Охотница укрылась в лесной чаще. Она могла бы остановиться в деревне – когда в последний раз ей довелось спать в настоящей постели? – однако неудачная стычка с бандой чума-зых мальчишек на школьном дворе мигом положила конец всяким нелепым фантазиям. Едва успев укрыться от подозрительных взглядов местных жителей, она скатала плащ и спрятала в мешок до конца пути, отчасти радуясь возможности больше не кутаться в него в летнюю жару.

Кажется, ни деревья, ни горы не оскорбляло её присутствие, в отличие от представителей людского племени. И вдобавок чем ближе ты к своей жертве, тем лучше – удобнее прятаться и выжидать, и быть готовой к тем неожиданным препятствиям, что могут возникнуть на пути.

Шагая под деревьями, охотница не обнаружила никаких следов своей дичи – да и вряд ли они могли появиться так близко к деревне. Однако всё чаще попадались другие следы, и это говорило о том, что не одна она ищет пристанища под сенью этого леса. Намётанный взгляд моментально обнаружил систему в якобы случайных белых метках на стволах – скорее всего, чья-то тропа – силки на кроликов и оленей, а также маленькие кучки гальки, клочки шерсти и щепки. На первый взгляд обычный лесной мусор, а на самом деле волшебные обереги. В лесу явно обитали попрыгушки, и вряд ли им придётся по вкусу род её занятий. Она постаралась как можно скорее сойти с размеченных ими троп, предпочитая укрыться в менее обжитой части леса.

Это была совсем непролазная чаща, однако охотница научилась легко продвигаться через любой бурелом. Решение переместиться из сердца чащобы ближе к горам оказалось верным. В конце концов, она и по следу шла через горы. Она успела вдоволь послушаться разговоров в деревне, прежде чем позволила местным себя увидеть, и все слухи указывали на одно и то же. Лихорадочное покалывание в костях, тёплые поцелуи ветра, дувшего ей в затылок с Третьей и Четвёртой Сестёр, шептали о том, что жертва близко и она сейчас в месте своей силы.

Конечно, у неё не было ни одного вещественного доказательства. Выследить такое изощрённое чудовище намного сложнее, чем идти по следу оленя, медведя или даже дракона. Ей не помогали ни отметины на земле, ни взрытая когтями земля, ни обломанные ветки. Однако это покалывание, эта щекотка, зарождавшаяся в костях и тревожившая старую рану, ещё сильнее кривили губы при воспоминании об испытанной боли, и этого было достаточно, чтобы она убедилась в своих подозрениях. Она словно шла вдоль натянутой струны, гудевшей от напряжения между нею и тварью, которую она разыскивала. Охотница поднималась всё выше и выше в горы, пока не оказалась в непроницаемом тумане.

Да, в этих местах точно обитал единорог.

И Дарка Век-Старзек была полна решимости его убить.

Глава 6

Чёрная овца в семействе, или Кто рано встаёт...

Обещание Клементины Заколдун вернуть чёрному барашку человеческий облик натолкнулось на одну незначительную проблему: упомянутый барашек вовсе не был так уверен в том, что снова хочет стать человеком. За исключением того, что теперь он не мог ни читать, ни писать – Семь Сестёр, как же он *тосковал* по книгам! – это было относительно неплохое существование. И если бы вы потрудились спросить самого барашка, он бы сказал, что явно более мирное. А теперь, когда с двумя главными проблемами было покончено, жизнь и вовсе наладилась! Он уже предвкушал десятки лет незамутнённого тревогами чтения несметных сокровищ великолепной библиотеки Заколдунов.

На самом деле чёрного барашка звали Дэвид Турнаклифф. На каком-то этапе его взросления, в безнадежной попытке придать сыну хоть немного мужества и сообразительности, отец Дэвида сократил его имя до Дэйва. Однако очень скоро всем стало ясно, что с таким робким и пугливым нравом, как у Дэвида Турнаклиффа, ни о каком мужестве и речи быть не может. Но новое имя успело прижиться, и он остался Дэйвом.

Дэйв был старшим ребёнком и единственным сыном Хьюстона Турнаклиффа, старосты деревни Семь Сестёр. Звание это было больше символическим и не вызывало у земляков особой зависти: именно старосте приходилось держать ответ, когда возникали неприятности с тёмным лордом – а о такой работе явно не станет мечтать ни один здравомыслящий человек. Вот почему, хотя Хьюстона выбрали старостой по всем правилам, он занимал это место уже два десятка лет, исправно побеждая на выборах снова и снова.

Но для подраставшего Дэйва папа был царь и бог, едва ли не равный самому Его Тёмности. И конечно, все сразу решили, что Дэйву судьбой предназначено пойти по стопам отца. Сам же мальчик очень быстро осознал, что не обладает ни одним из качеств, необходимых деревенскому старосте: умением говорить на людях (или вообще говорить с кем-нибудь), помнить всех по именам, находить решения в спорах соседей или старейшин, целовать малюток во время выборов старосты (хотя, прямо скажем, малюток тоже не радовала необходимость колотья о жёсткие усы его отца). Ни отец, ни мать, ни старшая сестра Генриетта не способны были понять, что самое большое удовольствие для Дэйва – погрузиться с головой в любую книгу, которая попала к нему в руки, или самому прополоть сад, или просто любоваться звёздами и Дамой в Белом часами напролёт. Ещё бы: члены такой Важной Семьи, как они, могли заниматься исключительно Важными Делами.

Так что Дэйв, он... В общем, Дэйв набрался духу и совершил довольно Трусливый Поступок, в противовес Важным Делам. Накануне своего двенадцатилетия, замученный попытками отца наставить его на путь истинный, Дэйв нанёс визит к единственной, по его мнению, персоне, способной изменить его судьбу: тёмному лорду Заколдуну. Однако Дэйв нашёл в лорде Элиторе весьма сурового слушателя и получил короткий, но жестокий урок о вреде жалоб на то, что он «чёрная овца в семействе». И вот уже второй год Дэйв вёл довольно шерстистое существование.

Жизнь в облике барана, конечно, была не сахар, но в итоге... в каком-то смысле он получил то, что хотел. Да, иногда он очень скучал по маме или Генриетте, и даже по отцу – и, конечно, по нормальным большим пальцам – но в мире имелось множество намного худших вещей, чем жизнь обеспеченного всем необходимым барашка в красивой горной местности. Никто не приставал к нему с необоснованными ожиданиями, не попрекал честью семьи. Из чёрного барана в семействе Дэйв превратился в обычного барана в стаде, до которого никому не было дела, и это его почти устраивало.

Однако чёрному барашку Дэйву было очень стыдно признаться в этом Клементине. Он понимал, что по традиции люди не очень-то соглашались добровольно быть овцами. Потому что людям *полагается* хотеть быть людьми. Недаром они насочиняли всяких слезливых сказок про то, как заколдованные лягушата превращаются в принцев, а лебеди – в прекрасных дев.

Дэйву было неловко перед Клементиной. Она казалась ему неплохой девочкой, и его расстраивал её грустный вид. Его тоже пугало, что тёмный лорд может умереть, но по другой причине: он боялся, что со смертью лорда Элитора разрушатся и чары, придававшие ему бараний облик. А «награда», обещанная Клементиной за помощь, должна была бы восприниматься им как заслуженный «счастливый конец». Вот только... почему-то ему так не казалось...

* * *

Солнце поднялось высоко и сияло всюду, а путь до озера был неблизкий – главным образом из-за того, что упомянутое озеро не любило подолгу задерживаться на одном месте, и никогда нельзя было угадать наверняка, где именно между Четвёртой и Пятой Сёстрами, а то и ещё дальше, вы найдёте его на этот раз. Дэйв предложил Клементине отправиться туда верхом на метле, поскольку часто видел, как она это делает.

Девочка так и подскочила на месте от неожиданности, воскликнув:

– Откуда ты знаешь?

– А что тут такого? – удивился барашек. – Я просто видел, как ты летаешь, и не раз! Хотя, если задуматься, при этом никогда не было твоего отца... – Он смешался, потому что её волосы окрасились в суровый стальной цвет грозовой тучи, да и лицо так же помрачнело.

– Чтобы я больше никогда этого не слышала, – отчеканила Клементина, ускоряя шаг.

Барашек старательно трусил следом.

– Почему? – простодушно спросил он. – Если бы только я мог так летать, я бы...

– Немым ты мне нравился больше! – рявкнула девочка.

В молчании они прошли довольно долго, пока Клементина не принялась заплетать стальные волосы в косу – единственное проявление слабости перед полуденной жарой.

– Ты не понимаешь, – тихо произнесла она, перебирая пальцами волосы и замедляя шаг. – Мне вообще не полагается летать на метле. Папа ужасно разозлится, если узнает, что я хотя бы пыталась.

Поскольку барашек уже не был уверен, как будет воспринята его способность говорить, то предпочёл не спрашивать почему. К тому же тёмный лорд Элитор имел широко известную привычку ужасно злиться на что угодно – и часто без причины.

– На мётлах летают только ведьмы, – сокрушённо вздохнула Клементина, завязав кончик косы. – Тёмным лордам не положено. Просто... неприлично.

Дэйв подумал, что для людей, целью жизни которых является нести смерть и разрушение, семейка Заколдун чересчур печётся о приличиях.

Первым признаком того, что Дэйв с Клементиной оказались уже почти на месте, был длиннющий меч, торчавший из земли. Судя по его виду, он красовался здесь уже довольно долго, так как под натиском стихий успел покрыться ржавчиной, и самоцветы на рукояти потускнели от разводов грязи и пыли. Девочка с лёгкостью выдернула его из земли и оставшуюся часть пути опиралась на него, как на трость.

По пологому берегу Дэйв и Клементина спустились к озеру, осторожно пробираясь между мечами, которые попадались всё чаще, и особенно аккуратно обходили те, что торчали остриём вверх. Наконец барашек испугался, что не сумеет проскользнуть между острой сталью, и остановился.

– Я... я лучше здесь подожду, – сказал он, не очень-то сожалея о том, что пропустит предстоящую встречу. Владычица озера слыла самым древним созданием в этой долине. И уже

если кому-то что-то было известно про Стружечную ведьму – то только ей. К несчастью, она при этом была...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.